

ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ КОНФЛИКТОВ

Д. А. Винокуров

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ И. П. ХРУЩОВА (1868–1870)

Статья посвящена изучению полемики, вспыхнувшей вокруг магистерской диссертации И. П. Хрущова «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого» (1868). Работа Хрущова явилась важным этапом в изучении истории раннего иосифлянства. В статье рассматриваются точки зрения и действия таких исследователей, участвующих в полемике, как И. П. Хрущов, О. Ф. Миллер, Н. И. Костомаров и К. И. Невоструев. Poleмика, переросшая в конфликт между О. Ф. Миллером и К. И. Невоструевым, показывает, что изучение и оценка церковно-исторических сюжетов в пореформенной России находились под влиянием различных венаучных факторов.

Ключевые слова: церковно-историческая наука, историография, иосифляне, нестяжатели, научные конфликты, идеология.

Вторая половина 1860-х гг. ознаменовалась активным развитием церковно-исторической науки, в которой под воздействием различных факторов происходят серьезные изменения¹. Исследования по истории русской церкви 1860–1870-х гг., созданные представителями как «историков-клириков»², так и светскими учеными, мощно выдвинули эту область исторической науки на авансцену гуманитарного знания. Однако стремительно расходящиеся по противоположным полюсам направления общественной мысли формировали уже различные, вариативные образы прошлого русской церкви, придавая им совершенно определенное содержание. Мировоззренческие установки, социальная среда, политические убеждения историка, работающего в церковно-историческом проблемном поле, накладывали отпечаток на его творчество. В этих условиях обращение к традиционному «острым» для русской мысли сюжетам истории русской церкви не могло не приводить к конфликтам в ученой корпорации. История идейно-религиозных течений в русской церкви XV–XVI вв., известных как «иосифлянство» и «нестяжательство», в это время привлекает внимание значительного количества исследователей. Однако в методичную академическую разработку проблемы изначально вмешались многочисленные венаучные факторы, определившие во многом последующую склонность к схематизации и

зависимости научных выводов от «партийных» предпочтений конкретного дореволюционного исследователя³.

Наиболее ярко данные процессы, с нашей точки зрения, проявились в полемике вокруг магистерской диссертации начинающего историка И. П. Хрущова⁴ (1841–1904) «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», опубликованной в 1868 г. Научная ценность данной работы состоит, прежде всего, в том, что впервые была поставлена задача комплексного изучения истории текстов, принадлежавших Иосифу Волоцкому (1439–1515) и его литературному окружению в контексте развития общественной и религиозной жизни на Руси конца XV – начала XVI в. Автор сделал первые шаги по изучению социального состава братии Иосифо-Волоколамского монастыря, привлек к исследованию большинство посланий его основателя, «Устав» и «Духовную грамоту» Иосифа Волоцкого, реконструировав по ним быт обители, а также продолжил начатое П. М. Строевым⁵ изучение состава монастырской библиотеки.

Исследование Хрущова, несмотря на то, что автор, очевидно, осознавая остроту поднятой им темы, поспешил обезопасить себя заявлением, что он ни в чем не касается «духовной» стороны вопроса⁶, отличается наличием прорывающей сквозь тенета недомолвок и осторожных грамматических

конструкций авторской точки зрения на объект описания. Определяя общее направление деятельности Иосифа Волоцкого как консервативное⁷, Хрущов сделал ряд оценочных характеристик, требующих более глубокой аргументации, чем она дается в книге. Например, автор сравнивает Иосифа Волоцкого с католическим монахом Пьером де Во-де-Серне, оставившим описание Альбигойских войн, говорит о том, что учение Иосифа Волоцкого было воспринято в XVII в. старообрядцами, что Иосиф Волоцкий является предтечей российского деспотизма, т. к. на его взглядах «воспитался Грозный»⁸. Хрущов полностью отходит от провиденциальной концепции образования ереси жидовствующих, объясняя ее появление недовольством новгородского духовенства «московским самоуправством» соединившимся с низким образовательным уровнем священнослужителей на Русском Севере. Эти факторы, пусть и частично, могли «оправдывать» появление ереси в глазах читателя⁹.

Сразу же после выхода книги из печати на нее последовало две рецензии, авторами которых выступили Н. И. Костомаров (1817–1885) и О. Ф. Миллер (1833–1889). Именно эти рецензии закладывают, вместе с трудом И. П. Хрущова, своеобразный водораздел, отделивший «старое»¹⁰ отношение к Иосифу Волоцкому в просвещенном обществе от «нового», подкрепленного как новыми источниками, так и новым – «либеральным» идеологическим каркасом. Обе рецензии претендовали не столько на качественный научный разбор сочинения, сколько являлись средством для обозначения собственной позиции, занятой рецензентами, относительно значения деятельности Иосифа Волоцкого для современности.

Еще в 1861 г. в статье «Две русские народности» Н. И. Костомаров сформулировал идею о типологическом сходстве развития Киева и Новгорода. Северо-восточная Русь эпохи московского «собирания земель», представляла по отношению к Новгородской республике не только политическую, но и духовную антитезу¹¹. Эта идея значительно повлияла на отношение Костомарова к проблемам, поднятым в диссертации Хрущова. Костомаров максимально контрастно проводит мысль о двух «направлениях» в русской церкви, образующих в конце XV – начале XVI в. две устойчивые данности: «Внешними при-

знаками их были – одного: общежительство, другого – особое житие; Одно опиралось на авторитет, другое на самоубеждение; одно стояло за строгость, другое за кротость <...> Эти различия совпадали с тем общественным различием, какое показывали в своем строе север и середина Руси – Новгород и Москва»¹². Нестяжательство, таким образом, становилось проявлением вольнолюбивого характера северянина, который «не хотел налагать на себя тяжелого ярма», а иосифлянство выросло из среднерусской, «московской» общины, транслировавшей свои особенности на монастырский кинобий, в котором «власть настоятеля была <...> подобием неограниченной власти великого князя над землею»¹³. В «костомаровскую» характеристику Иосифа Волоцкого властно вторгается дух времени, дух буржуазных реформ 1860-х гг. и мечтаний о более справедливой форме общественного устройства. Ступив на путь модернизации исторического процесса, Костомаров вполне осознанно приходит к поиску современного прототипа волоколамского игумена: «В наше время, такой человек, скорее всего, сделался бы публицистом, и всего вероятнее консервативным, или оратором при условиях существования парламентарности»¹⁴. Историческая параллель, проведенная историком, неожиданно и парадоксально связала средневекового игумена и «консервативного публициста» по типу М. Н. Каткова.

Практически одновременно с Н. И. Костомаровым на работу И. П. Хрущова откликнулся О. Ф. Миллер. Уже само название его работы – «Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского» – носило знаковый характер. Так же как и Костомаров, Миллер использует схему четкого разделения «иосифлянства» и «нестяжательства», чья «яркая противоположность <...> составляет, конечно, одно из самых знаменательных явлений в истории нашей древней образованности». Хотя Миллер, в отличие от Костомарова, в то время не имел собственной цельной теории развития средневековой России, его взгляд на роль Иосифа Волоцкого сформировался под сильным влиянием элементов славянофильской идеологии.

Рецензии Миллера также была присуща значительная модернизация исторической эпохи, в которой разворачивалась деятельность Иосифа Волоцкого; в частности Миллер представляет Иосифа, вслед за А. П.

Щаповым¹⁶, идейным противником крепостного права: «и в XVIII веке, – сетует Миллер, – находились у нас уже европейски образовавшиеся поборники противоположного. Даже Карамзин в XIX веке отстаивал крепостное право. Любителям извинять подобные умственные грехи духом времени не мешало бы вспомнить Иосифа Волоцкого и вообще нашу древнюю церковь»¹⁷.

Если Костомаров считал основной отличительной чертой иосифлянства и нестяжательства форму монастырского устройства, которая была проявлением более широких национальных различий, то для Миллера она виделась в отношении к еретикам, что позволило ему отрицательно охарактеризовать «направление» Иосифа Волоцкого. Здесь Миллер опять мыслит в рамках противопоставления русской прото-инквизиции и «мыслящего большинства», «вдохнувшего <...> идею христианской пощады» к ереси. Автор даже приходит к выводу, что принятие иосифлянами инквизиционных методов борьбы явилось проявлением «русской породы», которая «идет в науку к другим, хотя бы и не к добру»¹⁸. А следовало бы, восклицает Миллер, даже «непогрешимейшим папам, и всему правоверию западному – поучиться настоящему христианству у наших Заволжских старцев»¹⁸, так же как Лютер перенимал черты своего учения у Яна Гуса. Вместо этого, однако, в 1504 г. состоялся «второй Флорентинский собор»¹⁹ своим решением обозначивший своего рода духовную «унию с Западом». Жестокие гонения «никонианцев», воспринявших методы «презлых осифлян», на сторонников протопопа Аввакума оказывались в такой трактовке следствием событий 1504 г.

Благожелательные журнальные отклики побудили Хрущова подать свое сочинение на соискание престижной Уваровской премии (1869). Обязательными рецензентами его работы выступили К. И. Невоструев²⁰ (1815–1872) и все тот же Н. И. Костомаров. Официальный отчет, оперируя данными двух рецензий, довольно сухо представляет дело, которое, несомненно, может быть показательным для изучения особенностей функционирования академической исторической науки в пореформенной России. Работа Хрущова была оценена малой премией²¹, притом, что один рецензент полностью отверг возможность премировать автора, а другой – допустил возможность поощрительной премии.

К этому стоит добавить, что Невоструев, которому противодействовало едва ли не большинство членов Уваровской комиссии, был награжден как лучший рецензент золотой медалью²².

Отзыв Н. И. Костомарова, в противовес его журнальной статье, более похожей на прокламацию его общеисторических взглядов, помещенный в «Отчете» строг, лаконичен, сосредоточен на рассмотрении частных источниковедческих проблем сочинения. Значение работы Хрущова Костомаров видит, прежде всего, в том, что она является полезным для историка «указателем к сочинениям Иосифа»²³, в котором, однако, обойдены «крупные объединительные вопросы». Костомаров просит Комиссию руководствоваться при окончательном заключении о работе Хрущова скорее социальными, чем научными критериями, ведь перед ней «...первое произведение автора, человека еще молодого, и умеренное одобрение и поощрение может ободрить его и побудить к более зрелым работам...»²³

С более подробным обзором книги Хрущова выступил профессор Московской Духовной академии К. И. Невоструев. Работа Невоструева написана с диаметрально противоположных позиций относительно рецензий Миллера и Костомарова. Невоструев «проверил» работу Хрущова не только на научную валидность, но и на объективность отражения в ней исторического предания православной церкви. На протяжении рецензии, отличающейся «воспитательным» характером, помимо научной критики, идет постраничная идентификация «вольномысленных» идей автора, который писал книгу с «предзанятой идеей против монастырей»²⁴. Эти «идеи» вскрываются Невоструевым методично и скрупулезно: там, где Миллер и Костомаров, возможно, видели лишь фигуру речи, Невоструев усматривал чуть ли не ересь: например, рассматривая «очень нехорошо» употребленное выражение автора о защите Иосифом «укоренившихся верований», Невоструев резюмирует: «Положим – это выражение: но выражение означает мысль. Иосиф защищал догматы о св. Троице, о Божестве Иисуса Христа и Духа Святого, о втором пришествии Христовом, о важности писаний апостольских и отеческих. Ужели все это не более, как укоренившиеся в России верования, а не основные догматы Церкви вселенской...?»²⁵ А в попытке созда-

ния идейной связи между иосифлянским учением и старообрядчеством, Невоструев прямо видит «унижение преподобного»²⁶. Более всего Невоструев не согласился с Хрущовым и его журнальными рецензентами в том, что Иосифа Волоцкого можно рассматривать не только как религиозного, но и как политического деятеля; широкую известность в историографии получило его высказывание: «Иосиф не имел никаких политических взглядов, а как отец и учитель духовный в своих сочинениях раскрывал иногда по учению Библии значение и обязанности царей...»²⁷

Особой спецификой отличаются взгляды Невоструева на соотношение ереси жидовствующих, иосифлянства и государственной власти в начале XVI в. Исходя из представления о крайней опасности ереси жидовствующих для основ русской государственности, он приходит к частичному оправданию решений собора 1504 г.: «Не противоречит эта казнь таких именно еретиков, каковы были теперь жидовствующие, и в таких обстоятельствах, ни Божеским, ни человеческим законам, но еще трепбуется ими»²⁸.

Нашлось место в рецензии и своеобразному «спору поколений» в ученой корпорации: Невоструев, например, подчеркивает моральную допустимость с позиции XV–XVI вв. наведения дисциплины в монастыре с помощью жезла настоятеля: «нынешняя гуманность», «современная деликатность», как иронически он называет педагогические воззрения своих оппонентов, противопоставляется «строгим временам» русского средневековья, в которых рукоприкладство «скорее можно объяснить простотою, а не грубостью нравов и не развращением»²⁹.

Резюмируя, Невоструев отмечает, что основной недостаток книги содержится не в научных промахах, а в ее новом и нестерпимом «направлении», которое проявилось «... в вольных и обидных для Церкви Русской и преподобного суждениях и нареканиях»³⁰. Начинается «война направлений»: Хрущов и Миллер видят «иосифлянское» направление в истории русской церкви; Невоструев же находит «хрущовское» направление, проявившееся в историографии, отрицая между тем, какое бы то ни было «направление» у Иосифа Волоцкого. Невоструев самым решительным образом отказал Хрущову в праве на получение Уваровской премии, так как она разожгла «в публике превратные представления

о Церкви и о лице преподобного, вполне почетным и заслуженным»³¹.

Биограф К. И. Невоструева В. Андреев справедливо отметил, что из-за рецензии «Против К(апитона) И(вановича) поднялась целая буря», а основное давление на ее автора стал оказывать И. И. Срезневский и какие-то «родственники» И. П. Хрущова, не смирившиеся со «строго-православными убеждениями» Невоструева и желавшие присуждения награды путем отзыва Невоструевым своей первоначальной рецензии³².

Академик И. И. Срезневский (1812–1880), состоявший в Уваровской комиссии, являлся научным руководителем И. П. Хрущова при написании магистерской диссертации, и более того, сам, по свидетельству Хрущова сформулировал его тему. «Сочувствие доброго человека, всегдашняя готовность оказать содействие и неумолимая строгость ученого – вот качества, в руководствующем профессоре, в которых более всего нуждается руководимый и которые нашел я в почтенном профессоре»³³, писал Хрущов в 1866 г. Спустя три года «сочувствие доброго человека» еще раз помогло Хрущову. Под «родственниками» И. П. Хрущова в первую очередь надо понимать, естественно, тестя Хрущова – известного историка Д. В. Поленова (1806–1878), который являлся членом-корреспондентом Академии наук и занимал видный пост во II Отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии. Как позднее вспоминал И. П. Хрущов, Д. В. Поленов тесно дружил с тем же И. И. Срезневским³⁴. Сам Хрущов был знаком столичной бюрократии и даже представителям императорского Дома³⁵.

Много данных по истории присуждения Уваровских наград 1869 г. и последующем развитии полемики О. Ф. Миллера и К. И. Невоструева содержит практически не привлекавшаяся в историографии для этих целей переписка Невоструева с представителем ученого духовенства – архиепископом Тверским и Кашинским Саввой (Тихомировым) (1819–1896). Письма Невоструева имеют большое значение, так как содержат непосредственное, субъективное видение Невоструевым – носителем «строго-православных» взглядов – проблемы «политизации» иосифлянства в историографии XIX в. Первые упоминания в переписке о труде Хрущова относятся к 30 сентября 1868 г. В этом письме Невоструев пишет, что работает над рецензией на этот труд, который ему кажется написанным «весьма ис-

кусно, тонко, с ученой обстановкою», но все эти достоинства лишь подчеркивают главный недостаток – труд был написан «к унижению преподобного и всей древнерусской церкви, против монастырей...»³⁶ В этом же письме корреспондент подтверждает, что найденные им недостатки могут даже повредить «личности» Невоструева, так как Хрущов находится под «протекцией» «многих академиков», симпатизирующих его тестю.

В письмах, датированных мартом и ноябрем следующего года, Невоструев продолжает знакомить Савву с перипетиями подготовки своей рецензии, которую он стал называть «Обороной». В частности, он сообщает ценнейшие сведения о том, что именно И. И. Срезневскому, как научному куратору И. П. Хрущова, «принадлежат и взгляды на преподобного, выведшие меня из терпения»³⁷; предчувствие того, что его рецензия вызовет взрыв недовольства в либеральном лагере не покидает автора – если в письме от 27 ноября 1869 г. он только предполагает, что после официальной публикации «Отчета» «надобно ожидать неприятностей от журналов, перевозивших прежде книгу Хрущова»³⁸, то 10 апреля 1870 г. он более определенно заключает о будущих неприятностях – авторы либерального толка, с восторгом принявшие некоторые положения книги И. П. Хрущова, будут «...писать на меня или бросать грязью»³⁹. Эти свидетельства показывают, что ученая полемика в начале 1870-х гг. не могла оставаться в узко-корпоративных рамках. Она неизбежно становилась достоянием общественности, которая посредством «журналов» могла серьезно повредить не только ученой, но и частной репутации исследователя. Общественное звучание проблемы начало заглушать ее научное содержание.

Роль основного критика позиции К. И. Невоструева взял на себя О. Ф. Миллер, опубликовавший в октябре 1870 г. статью с «говорящим» названием «Инквизиторские возжеления ученого». В этой работе Миллер отношение к сожжению еретиков в 1504 г. сделал мерилом моральной чистоплотности человека. Миллер окончательно вывел полемику за рамки научной дискуссии и, по сути, превратил ее в перебранку; в статье говорится не столько об иосифлянстве, сколько об отношениях внутри ученой корпорации: П. А. Бессонову, выступившему за уважение позиции Невоструева⁴⁰, он пишет «...пусть г.

Бессонов откажется от всяких связей со славянофилами, пусть перестанет хвалиться тем, что созрел под их умственным кровом», ведь «...православие славянофилов и православие таких изуверов, как г. Невоструев, – не только не одно и то же, но даже представляют стороны, прямо противоположные»⁴¹.

Отличительной особенностью полемики между Невоструевым и Миллером было осознание ими коренного различия между типами их мировоззрения, определяющего отношение к научной проблеме. Это осознание приводило как к попыткам «реконструировать» мировоззрение соперника, путем доведения его до абсурда, так и попыткам определить основные черты своего мировоззрения: «...в чем же наконец заключается это богопротивное и бесоудное направление, могущее навлечь епитимию как на самого г. Хрущова, так и на соблазненных им?», – восклицает Миллер. И сам же отвечает: «В том, что все мы трое относимся без особенного сочувствия к сожжению еретиков и считаем усердное ратование за эту меру Иосифа Волоцкого и Геннадия Новгородского временным уклонением от господствующего духа нашей церкви»⁴². О том, что вопрос об оценке отношения древнерусской церкви к еретическим течениям был для Миллера принципиальным, мы можем судить по его письму к А. А. Котляревскому, в котором он резко сформулировал свои воззрения: «дело не в личности Невоструева, а в принципе. Хотя я, разумеется, совершенно уверен в том, что жечь мы уже не станем, но трудно, согласитесь, не видеть, что число приверженцев насильственного совести в широком смысле этого слова у нас еще очень и очень велико»⁴³. Несомненно, что такую постановку проблемы можно считать своеобразным «манифестом» либерализма в церковно-исторической науке.

В свою очередь, К. И. Невоструев считал себя оскорбленным подобной выходкой Миллера. 26 декабря 1870 г. он писал архиепископу Савве, что Миллер «Навязывая мне мысли, коих я вовсе не имел <...> извращая смысл написанного мною <...> дурачит меня перед публикою и издевается площадным образом»⁴⁴, что вызвало у него желание опубликовать ответ Миллеру, попирающему «истину Христову» в том же журнале. Однако в 1872 г. журнал был закрыт, и в том же году Невоструев скончался.

Описанный конфликт показывает специфику развития церковно-исторического знания в

пореформенную эпоху конца 1860-х гг. Обе стороны конфликта, помещали свои рассуждения в широкий общественно-политический контекст, внося в познание истории сильный оценочный элемент, модернизируя исторический процесс, и превращая его в арену борьбы политических идеологий, а не ученых мнений. На примере этого конфликта ясно просматривается вскрывшееся противоречие между методологическими установками церковного историка К. И. Невоструева, полагавшего само обсуждение «на публике» исторического предания церкви проявлением неблагонадежности, и острополюемического настроения О. Ф. Миллера, который увидел в оценке исторического прошлого русской церкви инструмент критики «реакционных» идей, лежащих в основе тех или иных явлений русской жизни XIX в. Автор же монографии, вызвавшей к жизни столь бурное обсуждение, ищет поддержки у влиятельных родственников и коллег по ученой корпорации. Эти явления отлично вписываются в экстерналистское видение развития научного знания, однако следует отметить, что «внешние» факторы, обусловившие развитие данного конфликта, были следствием глобальных процессов трансформации церковно-исторической науки, умноженных на публицистический бум 1860–1870-х гг., в которых исторические проблемы зачастую находились в том или ином рецептивном поле.

Примечания

¹ Мягков, Г. П. У истоков исследовательских школ в отечественной церковно-исторической науке // Исторический ежегодник. 2002–2003. Омск : ОмГУ, 2003. С. 69.

² Термин Н. И. Солнцева (см.: Солнцев, Н. И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков : монография. Н. Новгород : ННГУ, 2005. 200 с.

³ Зимин, А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М. : Наука, 1977. С. 227–228.

⁴ Хрущов Иван Петрович (1841–1904), российский историк литературы, организатор науки и деятель народного просвещения. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1862). Работал учителем словесности в Олонецкой

гимназии, где близко сошелся с семьей Д. В. и М. А. Поленовых, оказав значительное влияние на мировоззрение их сына В. Д. Поленова – будущего знаменитого художника. В 1870–1878 гг. преподавал в Киевском университете, стоял у истоков основания Исторического общества Нестора-летописца. Действительный член Московского археологического общества. В 1879 г. начинается второй – чиновный этап биографии Хрущова: он оказывается в непосредственном окружении одного из самых одиозных министров эпохи «контрреформ» – И. Д. Делянова; в 1896–1899 гг. был попечителем Харьковского учебного округа. Основные научные труды посвящены изучению древнерусской книжности («Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого» (1868), «О древнерусских исторических повестях и сказаниях» (1878), «Беседы о древней русской литературе» (1899), «Сборник литературных, исторических и этнографических статей и заметок» (1901). Также оставил ряд биографических очерков и характеристик («Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова» (1879), «Памяти графа И. Д. Делянова» (1898) и др.)

⁵ Строев, П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского / с предисл. и указателем Н. Барсукова. СПб. : Изд. о-ва любителей древ. письменности и искусства, 1891. 343 с.

⁶ Хрущов, И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1868. С. VIII.

⁷ Там же. С. VI.

⁸ Там же. С. VII.

⁹ Там же. С. 107–108.

¹⁰ Винокуров, Д. А. Начальный этап изучения истории раннего иосифлянства в контексте формирования церковно-исторической науки в первой половине XIX века // Исторический ежегодник. 2009 : сб. науч. тр. Новосибирск : Рипэл, 2009. С. 19–36.

¹¹ Костомаров, Н. И. Две русские народности // Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования. Том первый. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1872. С. 53–108.

¹² Костомаров, Н. И. Рец. : Исследование о сочинениях Иосифа Санина, препод. игумена Волоцкого. Соч. И. Хрущова // Вестн. Европы. 1868. Кн. 4. С. 959.

¹³ Там же. С. 969.

- ¹⁴ Там же. С. 970.
- ¹⁵ Миллер, О. Ф. Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского // Журн. м-ва нар. просвещения. 1868. № 2. С. 529
- ¹⁶ Щапов, А. П. Голос древней церкви об улучшении быта несвободных людей. Речь, произнесенная на торжественном акте Казанской духовной академии, в память основания ее. Казань : Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. С. 23.
- ¹⁷ Миллер, О. Ф. Вопрос о направлении... С. 530–531.
- ¹⁸ Там же. С. 538.
- ¹⁹ Там же. С. 541.
- ²⁰ Невоструев Капитон Иванович (1815–1872), выдающийся церковный историк, источниковед, археограф-археолог. Член-корреспондент Академии наук (1861). Окончил Московскую духовную академию (1840), преподавал в Симбирской духовной семинарии. В 1849 г. был вызван в Москву для составления подробного каталога Синодальной библиотеки. Делом всей жизни К. И. Невоструева было издание фундаментального «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» (пять выпусков, 1855–1869). Помимо этого труда, Невоструеву принадлежит ряд исследований, посвященных различным памятникам древнерусской книжности (Например, масштабное исследование «Слово Св. Ипполита об антихристе» (1868), публикация «Житий» Иосифа Волоцкого (1865) и мн. др.). Несколько особняком (впрочем, несколько не теряя при этом ценности) стоят работы Невоструева-археолога, посвященные изучению древностей Поволжья («О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств» (1871), «Ананьинский могильник» (1871).
- ²¹ Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской Академии Наук 25-го сентября 1869 года // Зап. Императ. Академии наук. Т. 16. СПб. : Тип. Императ. Академии Наук, 1870. С. 54.
- ²² Там же. С. 72, 157.
- ²³ Костомаров, Н. И. Отзыв о книге г. Хрущова: «Исследования о сочинениях Иосифа Волоцкого» // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1870. С. 214.
- ²⁴ Невоструев, К. И. Рассмотрение книги г. Хрущова: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», СПб. 1868 // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. СПб. : Тип. Императ. Академии Наук, 1870. С. 110.
- ²⁵ Там же. С. 86.
- ²⁶ Там же. С. 87.
- ²⁷ Там же. С. 88.
- ²⁸ Там же. С. 130.
- ²⁹ Там же. С. 95, 103.
- ³⁰ Там же. С. 161.
- ³¹ Там же. С. 165.
- ³² Андреев, В. К. И. Невоструев : биограф. очерк // Рус. старина. 1908. № 2. С. 382.
- ³³ Хрущов, И. П. Отчеты лиц, приготовляющихся к профессорскому званию в России. Причисленного к министерству народного просвещения Ивана Хрущова // Журн. м-ва нар. просвещения. 1866. Июль. С. 105.
- ³⁴ Хрущов, И. П. Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1879. С. 34–35.
- ³⁵ Федорченко, В. А. Императорский Дом. Выдающиеся чиновники. Том II. Красноярск ; М. : Бонус – Олма-Пресс, 2003. С. 511–512.
- ³⁶ Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Том IV (1868–1874). Сергиева Лавра : Собствен. тип., 1902. С. 92.
- ³⁷ Там же. С. 161.
- ³⁸ Там же. С. 237.
- ³⁹ Там же. С. 307.
- ⁴⁰ Бессонов, П. А. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8. М. : Тип. П. Бахметева, 1870. С. CIV–CV.
- ⁴¹ Миллер, О. Ф. Инквизиторские вождедения ученого (посвящается профессору Невоструеву) // Заря. 1870. № 10. С. 304.
- ⁴² Там же. С. 295.
- ⁴³ Цит. по: Пыпин, А. Н. Очерк биографии проф. А. А. Котляревского // Сочинения А. А. Котляревского. Том IV. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1895. С. ХСІ.
- ⁴⁴ Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни... С. 407.